

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Борис Иванов

В опере лавров не стяжал

Прийти на свидание раньше Бориса Владимировича Иванова невозможно. Сколько раз мы назначали встречи — столько раз он терпеливо ждал на служебном входе Театра имени Моссовета (где работает более пятидесяти лет!). Както я даже спросила его, неужели он никогда никуда не опаздывал.

— За всю свою жизнь только дважды, — был четкий ответ. — И оба спектакля, на которые влетел, запыхавшись, запомнил навсегда. Но чтобы опоздать к даме — боже упаси!

Вот такой он удивительный: галантный и дисциплинированный, так и хочется сказать, «молодой человек». В нем столько юношеского озорства, что совершенно не знаешь, когда он говорит серьезно, а когда шутит.

Встречаю его как-то в Столешниковом. Борис Владимирович деловито показывает на ювелирный магазин.

— Я не все там еще купил, кое-что вам оставил.

— Мне? На какие деньги?

— А вы делайте, как я: покупайте глазами. А цену мимо ушей пропускайте.

Как-то при встрече озадачил: «Я ведь хотел стать лите-

ратором». Вот те раз, я-то думала, что все про него знаю! И как с выпускного в театральном училище на фронт ушел. И как в сорок втором после ранения его «по кусочкам» собирали. И как потом в Рыбинске работал, а затем в Москву приехал. А он смотрит на меня грустно и продолжает: «Да. И маленьким литератором приятно быть в конце концов». И тут я начинаю понимать... Ну, конечно, это же не он, а Сорин из чеховской «Чайки» говорит! Иванов играл его в своем театре, а потом даже и на стороне — во МХАТе.

— А начинал я в опере. Но славы не стяжал...

Это опять что-то новенькое. Тоже из роли?

— Да нет же, правда! Было это в Одессе. Я уже говорил вам, что рано потерял отца. И подрабатывал статистом в оперном театре. К нам, собиравшимся у служебного входа, выходил староста статистов и тыкал пальцем: «Ты, ты, ты! Хватит». Мы поднимались наверх, аккуратно складывали свои вещи и облачались в костюмы, превращаясь то в стражников, то в слуг, то в нищих. Платили нам по три рубля. Для нас с мамой это были огромные деньги.

В этом театре сцена была с плунжерной системой, разделенной на несколько частей, которые могли двигаться. Например, на «Демоне» между первым и последним поднятыми секторами ставили мост, и это означало, что внизу пропасть. Нас, мальчишек, вечно гоняли из-за кулис. Тогда мы забирались под плунжер, откуда было видно даже лучше, чем с первого ряда.

Я застал реквизитора (по фамилии Крематат), у которого была пустая бутылка из-под вина, оставленная самим Батистини! Я застал то время, когда в театр ходила публика, способная падать в обморок из-за событий, происходящих на сцене. Два обморока за вечер — значит спектакль прошел на «отлично», один — на «хорошо». Я застал в театре организмом отца Рихтера. Светик Рихтер был худенький, длинный, не от мира сего мальчик, носивший с собой пудры нот. Я очень любил музыку и как-то попросил его сыграть вальс № 10 Шопена, и он мне не отказал...

Мы с мальчишками очень стеснялись слова «статист», оно нам не нравилось, то ли дело — «сотрудники», так нас то-

же иногда величали, особенно тех, кто крутился возле театра ежедневно.

В балете «Лебединое озеро» мы изображали лебедей. Не тех, что танцуют, а тех, что на горизонте маячат. На спину нам надевали сделанные из папье-маше фигурки птиц и мы, согнувшись, плавно передвигались вдоль задника так, что были видны только лебедей. Между нашими выходами были большие перерывы, и мы бегали на шестой этаж в балетный класс. Однажды заигрались, забылись, пришлось кубарем скатываться вниз, миглом надевать фигурки и выскакивать на сцену. И вот представьте картину. Под дивную музыку Чайковского по озеру плывут лебедей, чинно, в ряд, а один — задом наперед! Вспыхах мальчик насадил на себя птичку вперед затылком! В зале смех, в театре — скандал!..

Довелось мне в этом же сезоне в «Коньке-Горбунке» и личную охрану царя изображать, и задние ноги кобылицы — роль передних доверили моему приятелю Вовке, он потом стал капитаном дальнего плавания.

А в опере «Иван Сусанин» мы были в дружине Сабина.

Построили лодку на шарикоподшипниках, нас в нее погрузили, а рабочие сцены тащили за веревку. Создавалось впечатление, что она плывет среди камыша. На одном спектакле веревка оборвалась, и лодка остановилась, как вкопанная, и мы, конечно, попадали друг на дружку. Поднимались кто как мог, под дружный хохот в зале и мысленные проклятия певцов, исполняющих в этот момент свои драматические арии.

Гастроли Киевского театра оперетты сулили лично мне большую карьеру: статистов они тоже из нас, местных, набирали, и мне досталось не какое-нибудь «лицо в толпе», а отдельный эпизод! Правда, он заключался в том, что мне давали пощечину, но все-таки... Я долго готовился, придумал характерное лицо, сделал нос из гуммозы, усы для солидности. Артист, который должен был меня бить, обещал остановить ладонь у лица, как это всегда делается, но я-то не «как всегда», я ж — впервые! Испугался, дернулся, — и он попал прямо по носу, который с большим треском улетел за кулисы.

Именитый Владимир Аполлонович Лосский ставил «Аиду». Я играл слугу фараона. Режиссера видел мало, знал только, что он не любит опоздавших. Чтобы успевать на репетиции, мне нужно было удрать с уроков из 107-й школы, в которой я учился, бежать через Соборную площадь по Дерибасовской и улице Толстого, в общем, довольно долго. Влетаю в последний момент, успеваю схватить опашало и стать на свое место. Начинается репетиция. Лосский осматривает сцену, останавливает взгляд на мне и подмигивает. Я, гордый такой (надо же, заметил, что я не опоздал!), подмигиваю в ответ, дескать, все в порядке, я на месте, можно начинать! Он снова останавливает взгляд на мне. И снова подмигивает. Я в ответ. Так продолжалось минуты три, пока я не понял, что у него нервный тик. Наверное, я сделался красного, синего, черного, уж не знаю, какого цвета, сгорел от стыда, не знал куда деться. Ну я же говорю — лавров не стяжал...

Татьяна ПЕТРЕНКО.

● Борис Иванов, народный артист России.
Фото В. Петрусовой.

